

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY

УДК 94(470)

DOI: 10.30914/2411-3522-2024-10-2-101-116

МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ В ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В. Г. Егоров^{1,2,3}

¹Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация

²Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация

³Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. На основе современных теоретических знаний автор рассуждает о месте и роли России в евразийской идентичности, обращаясь к историческому прошлому и современным общественно-политическим процессам. В статье приведены историографические данные и политологические оценки особенностей исторического пути России в процессе формирования евразийской идентичности. В современном мире на фоне происходящих глобальных перемен евразийская идентичность как идейное течение обретает очертание реальных общественно-политических практик и возвращается в активный ракурс научной проблематики. Все это подчеркивает актуальность проведенного автором статьи исследования. В статье выделено несколько периодов во взаимоотношениях России и Запада, во время которых в общественных настроениях происходила самоидентификация России: монголо-татарского нашествия; внешнеполитические искания Ивана IV; церковный раскол XVII в.; петровская европеизация XVIII в.; дискуссии западников и славянофилов XIX в.; борьба за продвижение парламентаризма и советизации России в период русской революции начала XX столетия. В заключении автор статьи приходит к выводу, что идентичность вообще и евразийская, в частности, есть порождение общности особого социального качества, возникающего в процессе исторически протяженного сосуществования, сопровождаемого взаимным культурным обменом.

Ключевые слова: феномен идентичности, евразийство, мультикультурность, цивилизационный выбор, русская духовность

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Егоров В. Г. Место и роль России в евразийской идентичности // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 2. С. 101–116. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-2-101-116>

PLACE AND ROLE OF RUSSIA IN THE EURASIAN IDENTITY

V. G. Egorov^{1,2,3}

¹Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

²Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

³Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Based on modern theoretical knowledge, the author discusses the place and role of Russia in the Eurasian identity, referring to the historical past and modern socio-political processes. The article presents historiographical data and political science assessments of the features of Russia's historical path

in the process of forming the Eurasian identity. In the modern world, against the background of ongoing global changes, the Eurasian identity as an ideological trend takes shape of real socio-political practices and returns to the active perspective of scientific issues. All this underlines the relevance of the research conducted by the author of the article. The article highlights several periods in the relations between Russia and the West, during which Russia's self-identification took place in public sentiment: the Mongol-Tatar invasion; the foreign policy quest of Ivan IV; the church schism of the XVII century; Peter's Europeanization of the XVIII century; discussions of Westerners and Slavophiles of the XIX century; the struggle for the promotion of Parliamentarism and Sovietization of Russia during the Russian revolution of the beginning of the XX century. In conclusion, the author of the article comes to the conclusion that identity in general and Eurasian, in particular, is the product of a community of a special social quality that arises in the process of historically extended coexistence, accompanied by mutual cultural exchange.

Keywords: the phenomenon of identity, Eurasianism, multiculturalism, civilizational choice, Russian spirituality

The author declares no conflict of interest.

For citation: Egorov V. G. Place and role of Russia in the Eurasian identity. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2024, vol. 10, no. 2, pp. 101–116. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-2-101-116>

Идентичности в социально-политическом процессе вообще и структурировании геополитического пространства в частности инкорпорировались в отечественный академический дискурс сравнительно недавно. В связи с новизной вводимого в научный оборот феномена идентичности после советской ортодоксии, связанной с абсолютизацией классовой структуры общества, автор вынужден предпослать собственно исследованию специальный том, раскрывающий понятийно-категориальный аппарат данной тематики [1]. По мнению авторов данного исследования, «изменения общей структуры идентификационных ориентиров современных макросообществ воздействуют как на конфигурацию коммуникаций, так и на устойчивость ключевых институциональных основ современного миропорядка» [1].

Актуальные политические события придают лишь большую весомость такому взгляду ученых. Вместе с тем современные социально-политические тренды явно диссонируют с выводом авторов о том, что глобальная «модернизация... становится универсальным императивом... обращенным ко всякому сообществу нашего сегодняшнего мира и предполагающим одновременную универсализацию идентификационных моделей и интенсивное расширение спектра составляющих идентичностей» [1].

Наблюдаемый в современности тренд эволюции идентичностей, напротив, значительно отклоняется от универсальности и все ближе наполняется контентом, определяемым нацио-

нально-культурной повесткой. Относительно релевантным может считаться оценка идентификационных трансформаций, ориентированных на универсальность только в отношении западных сообществ. Да и то исключительно в рамках трансатлантизма, проявляющегося в военно-политическом единстве или стремлении к «онтологической безопасности» [2].

Наполнение идентичностей национально-культурным контентом происходит особенно активно в наступившую эпоху глобальной турбулентности, которая характеризуется углубляющимся разломом между консолидированным Западом и не-Западом, где связующим мотивом последнего становится стратегия общественного развития, ориентированная на самобытность и суверенитет.

Проблема научной разработки феномена идентичностей обретает актуальность и социальную значимость на фоне появления «футурологических» проектов, например, предложенного В. Сурковым проекта «Цивилизации Севера», и сопровождаемых их дискуссий.

Геополитическую ориентацию России на Восток В. Сурков назвал «галлоцинацией», а безусловный перспективный вектор ее развития определил так: «Что же можно различить впереди, если попытаться взглянуть поверх миражей? Что будет, если убрать с шахматной доски ложные фигуры? Будет Великий Север – Россия, США и Европа, образующие общее социокультурное пространство. Трехединый северный геополитический

кластер». Свои «смелые» предположения автор основывает на абстрактных построениях или личных предпочтениях¹.

На фоне происходящих глобальных перемен евразийская идентичность как идейное течение обретает очертание реальных общественно-политических практик и возвращается в активный ракурс научной проблематики [3–6].

На уровне отдельных рефлексий общественного сознания евразийство зародилось задолго до оформления в концепцию, начавшую пробивать себе дорогу во взглядах части русских интеллектуалов-эмигрантов в начале 20-х годов прошлого века.

Российское самопостижение проявлялось и в общественных настроениях, разделившихся по рубикону Восток – Запад в период:

- монголо-татарского нашествия;
- внешнеполитических исканий Ивана IV;
- церковного раскола XVII в.;
- петровской европеизации XVIII в.;
- дискуссий западников и славянофилов XIX в.;
- борьбы за продвижение парламентаризма и советизации России в период русской революции начала XX столетия.

Следует заметить, что из-за особенности исторического пути, амбивалентности общественных и культурных практик только Россия могла стать колыбелью евразийства, и не только потому, что вбирала в себя сердцевину Евразии, хартленд, и естественным образом составляла территорию, которую невозможно исключить, обойти, обнулить в любом контексте, связанном с одним из шести материков планеты; и не только потому, что Российское государство на протяжении длительного исторического периода включало в свое политико-правовое пространство значительную часть населения Евразии, но и потому, что евразийство имеет более глубокое основание, несводимое к эксклюзивному набору факторов. Характеризуя более узкую национальную идентичность, Э. Д. Смит в качестве признаков таковой выделял общность не только территории, но и историческую память, мифологию, общую культуру [7].

Важно отметить, что актуализация евразийства в теоретическом дискурсе и уж тем более геополитике стала возможной после постепенно-

го преодоления глобального евроцентризма. Вопреки политической, экономической, культурной целесообразности Европа лишь в ограниченном конъюнктурой формате легитимировала российский европеизм. Старый Свет не желал признавать, что помимо Запада в его «организме» присутствует неотъемлемая компонента – Восток.

В ответ на европейский изоляционизм первая волна евразийцев заявляла об «исходе на Восток» [8]. В сакрализации Европы, отвергаемой евразийцами, приняли участие в том числе и отечественные интеллектуальные силы.

Н. Я. Данилевский писал: «Запад и Восток, Европа и Азия представляются нашему уму какими-то противоположностями, полярностями. Запад, Европа составляют полюс прогресса, неустанного усовершенствования, непрерывного движения вперед; Восток, Азия – полюс застоя и коснения, столь ненавистных современному человеку. Это историко-географические аксиомы, в которых никто не сомневается, и всякого русского правоверного последователя современной науки дрожь пробирает при мысли о возможности быть причисленным к афере застоя и коснения. Ибо, если не Запад, так Восток; не Европа, так Азия – середины тут нет; нет Европо-Азии, Западо-Востока, и если бы они и были, то среднее между-умочное положение также невыносимо. Всякая примесь застоя и коснения уже бред и гибель...» [9, с. 199].

Исходя из принципа «Познай себя и будь самим собой», Н. Н. Алексеев тонко подметил дуализм социальной рефлексии российской идентичности – разрыв «между духовной жизнью высших классов и духовной жизнью широких народных масс».

С эпохи Петра Великого первые жили «духовными интересами западноевропейского культурного мира», не только подражая Западу, но и «своеобразно претворяя западные начала в русской стихии. Русские же народные массы в это время жили своей собственной, во многих отношениях еще и теперь не опознанной жизнью, чуждой западным влияниям и питающейся единственно силами русской национальной души» [10, с. 68].

Таким образом, фундаментальный потенциал русской духовности формировался в культурной среде широких народных масс, имманентной мультикультурности и адекватной межэтнической аккумуляции в большей степени, чем заимствованные

¹ Романов Б. Наблюдая бурный синтез цивилизаций // Независимая газета. 2023. № 254 (8881). 21 ноября.

элитой европейские культурные нарративы. Именно этим обстоятельством обусловлена органичность русской духовности внутри процесса генезиса и развития евразийской идентичности.

Чутко воспринимая ментальную инаковость и несовпадение с привычными ценностными ориентирами аксиологии «новой Родины», оплодотворенная православием интеллектуальная мысль евразийцев предпочла изменить евроцентризму и пошла в сторону обоснования «туранских» корней российского этоса.

Так, Н. С. Трубецкой в работе «О туранском элементе в русской культуре» (Берлин, 1925 г.), обосновывая азиатскую доминанту России, писал: «Восточнославянские племена занимали первоначально лишь незначительную часть той громадной территории, которую занимает современная Россия. Славяне заселяли первоначально только небольшую западную часть этой территории, речные бассейны, связующие Балтийское море с Чёрным. Вся прочая, большая часть территории современной России была заселена преимущественно теми племенами, которые принято объединять под именем “туранских” или “урало-алтайских”... Само объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами» [11, с. 738].

По мнению Ф. А. Степуна, «туранство» евразийцев «было возвращено ненавистью к тем силам, что привели Россию на край гибели, и к тем другим, что цинично надеялись нажиться на ее несчастье, т. е. к порожденной Петром Великим западной интеллигенции и к принявшим расхищать ее западным странам» [12, с. 568]. Ф. А. Степун категорически отрицал «антиевропейскую идеологию евразийцев», справедливо полагая нераздельность сложившейся идентичности, в которой центральное место принадлежало России.

Именно потому, что Европа отказывала и отказывает России в духовном и социально-политическом родстве, всегда стремясь к выстраиванию барьеров, «европейскость» евразийского единства обеспечивалась трансляцией Россией западных паттернов, длительное время окормлявших исключительно отечественное элитное сообщество в азиатское социокультурное пространство. Потенциал европейской культуры, инкорпорированный в российский этос

благодаря западничеству элит, несмотря на его некоторую автономность и даже трансцендентность, все же стал неотъемлемой частью национального духовного пространства.

Дуалистичность культурного процесса России с точки зрения инициации евразийской идентичности, безусловно, играла конструктивную роль. Центральное место России в евразийской идентичности, помимо прочего, определяется ее многогосударственностью, объединяющей европейскую и азиатскую, также неоднородные, идентичности. Так, последняя включает субидентичности: например, ближневосточную, центральноазиатскую, восточноазиатскую¹. В этой связи именно Россия явилась и является агрегирующим центром, удаление от которого сопровождается нарастанием в первом случае «европейскости», а во втором – «азиатскости».

Именно такое геополитическое позиционирование России было характерно взглядам Н. А. Бердяева. В работе «Миросозерцание Достоевского» он писал: «Россия не Запад, но и не Восток. Она есть великий Востоко-Запад, встреча и взаимодействие восточных и западных начал. В этом сложность и загадочность России» [13, с. 437].

Далеко не всегда территориальные локации, разделяющие общие географические и естественные условия, становятся основанием региональных идентичностей. Целый набор политических, исторических и даже естественных факторов может являться препятствием интеграции идентификационных скрепов. Тем более обязательно результативной может быть политика конструирования идентичности. Однако вряд ли оправданно исключать значение всех перечисленных факторов в ее формировании. Малопродуктивной представляется и попытка отыскать в их ряду доминанты, сыгравшие абсолютную роль в складывании идентификационных кодов.

О некорректности попыток политического, культурного конструирования идентичностей только на основе географических или других естественных критериев говорил еще Н. Я. Данилевский.

Он писал: «...Деление из части света есть деление искусственное, что единственный критерий его составляет противоположность между

¹ Бутрин Д. Обрато к тысячелетней истине // Коммерсантъ. 2021. № 22 (6984).

сушей и морем, не объемлющая собою всех других различий, представляемых физической природой (различий топографических, климатических, ботанических, экологических, этнографических и проч.), критериум, не обращающий даже на них внимания, что по одному этому уже, следовательно, части света не представляют и не могут представлять свойств, которые одну из них ставили бы в противоположность другой, что выражения: европейский, азиатский, африканский тип суть только метафоры которые мы приписываем целому свойству его части...» [9, с. 199].

Еще большим заблуждением является стратегия политики идентичности, выстраиваемой на противопоставлении другим сообществам, по образцу «Россия – анти-Европа». Не только евразийская, но идентичность вообще предполагает свободный культурный обмен, не ограниченный идеологическими или политическими паттернами.

Идентичность не формируется через политическую интеграцию: мирную или насильственную, в результате завоевания или навязывания воли. Об этом говорят многочисленные уроки истории.

Так, не увенчались успехом предпринимаемые Александром Македонским меры по культурной ассимиляции завоеванных народов [14], как, впрочем, безуспешными являлись и все последующие аналогичные акции в истории Европы и Азии.

Прецеденты контрпродуктивного «конструирования идентичности» известны истории. Один из таковых – предпринятый французским мыслителем А. Мартеном в книге «Россия и Европа», опубликованной в 1865 г., в которой историк утверждал, что русские не славяне и не индогерманцы, а народ, относящийся к тюрко-алтайским племенам и, кроме внешности, не имеющий сходства с европейцами. Мало того, русофоб утверждал, что от русских не следует ожидать культурного и нравственного роста. Их единственной способностью является склонность к быстрому размножению. Этот народ, по мнению А. Мартена, представлял опасность для европейской цивилизации и заслуживал быть вытесненным за Урал. «Благородная» миссия вытеснения должна принадлежать подлинно славянскому народу – полякам [15].

Евразийская идентичность – это сложный многоуровневый феномен, являющийся продук-

том не только аккультурации или универсализации культур, и, конечно, евразийская идентичность не описывается процессами политической интеграции, а охватывает весь комплекс факторов, наполняющих экзистенцию (существование) и составляющих общий социетальный потенциал народов, наций и государств, участвующих в ее генезисе и развитии. Проще говоря, идентичность вообще и евразийская, в частности, есть порождение общности особого социального качества, возникающего в процессе исторически протяженного сосуществования, сопровождаемого взаимным культурным обменом.

Необходимо отметить, что важным шагом в складывании евразийской идентичности в VII – начале XI в. на территории Восточно-Европейской (Русской) равнины стали трансъевропейские торговые пути, связывающие Европу и Восточный халифат. Включение Волжско-Окской и Днепровско-Волховской речных артерий в международную торговую систему сформировало, по словам Г. С. Лебедева, уникальную полиэтническую балто-славянскую общность, заложившую основу мультикультурности особого типа, а также обеспечившую материальный фундамент древнерусской государственности, естественно вбиравшей в себя паттерн социокультурной интеграции [16].

На всем протяжении товарного трафика (основным предметом которого стало куфическое серебро), связавшего Европу и Восточный халифат, были образованы военно-торговые фактории (города-эмпории), контролировавшие и регулирующие его бесперебойное функционирование. Эмпории притягивали к себе поликультурное население пассионариев, пренебрегавших мирной обстановкой и оседлым образом жизни.

Современная археология располагает достаточным материалом, раскрывающим внутренний мир таких протогородов, находившихся в верховьях Волги и Днепровско-Волховского торгового направления [17; 18].

Вполне естественно, что в силу своей военной и судоходной подготовки доминирующее положение в городах-эмпориях занимала норманнская элита (варяги, викинги).

Дискуссии норманистов (говоривших об особой их роли в становлении древнерусской государственности) и антинорманистов (утверждавших, что происхождение государства Киевская Русь – результат внутренних социальных процессов у славян), по мнению А. П. Новосельцева,

не заслуживают серьезного внимания. И варяги, и восточноевропейские племена «находились в VIII–IX вв. приблизительно на одном уровне социального развития. В этих условиях норманны, разумеется, не могли принести славянам ни более высокой культуры, ни государственности. Зато одностадийность развития способствовала более легкому общественному синтезу пришельцев и аборигенов (славян и финно-угров)» [19].

Присутствие в некрополях торговых-ремесленных городов (эмпориев) отдельно располагающихся варяжских захоронений с прослеживаемым по предметам материальной культуры заимствованием славянского компонента отмечали М. Б. Свердлов и И. П. Шаскольский [20].

Место норманнов в формировании Древнерусского государства, безусловно, не соответствовало примитивному утверждению об их цивилизаторской миссии и насаждении государственного порядка. Резонно предположить взаимную заинтересованность аборигенов и северных пришельцев, в одинаковой мере извлекающих пользу, в том числе материального свойства, из эксплуатации трансъевропейских торговых путей.

Кроме того, акт призвания варягов славянами был обусловлен, как утверждает А. П. Новосельцев, тем обстоятельством, что «значительная часть восточных славян, включая полян, была подчинена хазарам». «Подчинив своему контролю полян, родимечей, северян и вятичей, хазары тем самым держали в своих руках большую часть торгового пути из Европы на Восток». Хазарский контроль, сопровождаемый взиманием регулярной дани деньгами и пушниной, грозил охватить самую северную оконечность торгового пути – «земли словен ильменских и кривичей» [19, с. 6–7]. В этих обстоятельствах вполне логичным выглядит факт приглашения некоторыми финскими племенами и словенскими варяжских викингов (862 г.) на условиях договора (ряда)¹.

Заняв ведущее место в военно-торговой организации городов-виков, норманнское воинство тем не менее не выделялось особым социальным положением в среде других насельников эмпориев и быстро интегрировалось в славянскую и финно-угорскую культурную среду.

Неразрывная связь культурно-хозяйственных типов земледельческих поселений восточных

славян и военно-торговых факторий на пути «из варяг в греки» была predetermined общностью естественно-физического источника их генерации – речной системой, одновременно являвшейся необходимым природным условием земледелия и важной транспортной коммуникацией, обеспечивающей успешную торговлю с внешним миром и транзит товаров с территорий, отстоящих друг от друга на значительном расстоянии [21, с. 159].

Центральной осью, пересекающей восточнославянский ареал, являлась речная система Днепр – Ловать – Волхов, определявшая направление расселения славянских племен и являвшаяся основой формирования пути «из варяг в греки». «Двигаясь с юга, славянское население раздвигало к западу и востоку массив балтских и финских племен». На этой же системе образовались главные центры консолидации восточнославянских земель – Киев и Новгород.

Со второй половины VIII в. благодаря росту транзитных потоков товаров по волжскому пути, связывающему Восток с Европой, в орбиту международных торговых связей были вовлечены территории волжско-окского междуречья, северные и северо-западные области, населенные восточными славянами. Устойчивый характер опорного пункта торговли приобрела Ладога. Именно в связи с контролем над узловой торговой факторией, «являвшейся воротами на Балтику, если двигаться с юга», и «началом пути с севера в глубь континента», Ладога стала первым форпостом проникновения «варягов» на восточнославянскую территорию.

Позднее в местах, требующих участия этой «организующей силы», появились аналогичные Ладоге фактории: Рюриково городище, Новый Торг, Волок Ламский, городок Темирево, Михайловское, Сарское поселение и т. д.

Сложившаяся на пути торгового транзита система городов-эмпориев предполагала стройную организацию, характеризующуюся наличием княжеской власти, объединявшей равных в социальном статусе дружинников, единого центра – ее модератора, в качестве которого в силу своего центрального положения выступил Киев.

По словам В. О. Ключевского, «такие города становились центрами областей, возникали среди населения, жившего по главным речным торговым линиям Днепра, Волхова и Западной Двины» [22, с. 137].

¹ Дата призвания варягов условна. По мнению многих исследователей, появление варяжских конунгов следует относить к первой половине IX в.

Еще до образования государства Киевская Русь на севере Восточно-Европейской равнины благодаря функционированию торгового пути, связывавшего Европу с волжско-окским речным путем, формировалась социально-экономическая система, представлявшая собой зачатки ранней государственности [23; 24].

Мотивами, питающими заинтересованность и добровольную интеграцию славянских и финно-угорских племен в военно-торговую организацию Киевской Руси, являлись потребность в сбыте и обмене спорадически возникающих небольших излишков от хозяйственной деятельности (воска, пушнины, визиги и т. д.) и участие в широкомасштабных военных кампаниях, приносящих трофеи.

В остальном Древнерусское государство представляло собой конгломерат княжеско-дружинных сообществ, с одной стороны, и общностей аборигенов (славян и финно-угров) – с другой, сохранявших культурную автономию и имевших собственных предводителей [25].

«Отношения между Киевом и другими землями регулировались договорами (русский ряд), – пишет А. П. Новосельцев. – Этими же договорами определялось право великого князя на полудье – основной источник благосостояния ранних киевских князей и их дружины (руси)» [19, с. 15].

Благодаря функционированию трансевропейских торговых путей Древняя Русь, включенная в их систему с первых этапов своей истории, формировалась как мультикультурное образование, связанное с основными центрами евразийской цивилизации (Восточным халифатом, Северной Европой, Византией).

Свидетельством тому служат и современные археологические открытия.

Так, в Суздальском Ополе найдены многочисленные артефакты из меди, олова, свинца, серебра XI–XIII вв., на три столетия опередившие добычу цветных металлов на Руси, а в курганах на территории, населявшейся финно-угорскими племенами меря, найдены кресты и энколпионы.

Спектральный анализ позволил установить происхождение цветных металлов – это Малая Азия, Балканы, Германия и Швеция¹.

¹ Героева А. Н. Суздальская вертикаль власти // Коммерсантъ-Наука. 2023. № 26. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6320562> (дата обращения: 18.05.2024).

Экспедиция Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника совместно с ИА РАН осенью 2022 г. раскопала 11 могил муромы на правом берегу Оки, датированные первой четвертью X в. Во многих обнаружены изделия из цветных металлов и серебряные монеты (дирхемы) Арабского халифата. Как утверждают ученые, «находка монет и гирек доказала: среди муромы на правом берегу Оки происходили те же процессы, что и в левобережье, – с X века племя активно включалось в международную торговлю.

Ока была одним из участков Волжского торгового пути – речной торговой магистрали, связывавшей в раннем Средневековье Скандинавию с халифатом. Согласно представлениям современных исследователей, «в конце IX – начале X века движение дирхемов по ней подпитывало экономическое развитие молодой Руси, Хазарского каганата и Волжской Булгарии»².

Свою лепту в формирование евразийской интеграции внесло объединение огромной территории материка в Монгольскую империю.

Включение разорванной на отдельные общины и государственные образования Древней Руси в состав Монгольской империи имело глубокие социально-экономические последствия.

В трактовке этого непростого периода отечественной истории наблюдается некоторый перекос в сторону акцентов, отражающих тяжесть потерь вследствие собственно нашествия, бремени татарского ига и стихийного народного сопротивления. При этом другие, не менее важные и необходимые для создания объективной картины события, происходящие в XIII–XV вв., остаются вне поля зрения исследователей.

В. О. Ключевский не без основания считал, что если бы не внешний фактор (монголо-татарское нашествие), то удельный порядок на северо-востоке России, в формировании которого существенную роль играла колонизация ранее не освоенных земель, неизбежно привел бы к становлению политического порядка враждующих и все более обособляющихся друг от друга «лоскутных территорий».

Детально исследовавший обстоятельства трагедии XIII в. Северо-Восточной Руси А. Н. Насонов отмечал, что только Рязань и Владимир,

² Грибова О. Куда пропала правобережная муромы // Коммерсантъ-Наука. 2023. № 19. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6209894> (дата обращения: 18.05.2024).

оказавшие серьезное сопротивление, были значительно разрушены, в то время как сдавшиеся завоевателям (Ростов, Углич, Ярославль, Тверь, Кострома, Переславль) «не подверглись, кажется, такому опустошению и разорению» [26].

Не безусловной выглядит оценка «сокрушительной» роли монголо-татарского ига в экономике Северо-Восточной Руси. Труды археологов содержат убедительные свидетельства преемственности технологических приемов обработки металлов, ювелирного, гончарного производства XIV–XV вв., мастерства «домонгольского времени» [27].

Совсем неблагоприятным занятием стало бы взвешивание отрицательных и положительных последствий акта интеграции Древней Руси в состав Монгольского государства. Безусловно, не умаляя трагизма, связанного с понесенными Северо-Восточной Русью жертвами и потерями тысяч людей, угнанных в неволю, все же следует заметить, что в ряду последствий монгольского завоевания нельзя упускать его положительные стороны. Существование русских земель в составе огромной империи значительно расширило, говоря современным языком, их экономическое и информационное пространства за счет связей с территориями древних цивилизаций Китая, Персии и исторической областью Мавераннахра.

Новейшие исследования показывают, что ведущей отраслью экономики и основным источником благосостояния Орды был не выход с подвластных территорий¹, а организация международной торговли, участником которой стал, естественно, и «русский улус».

Согласно современным данным археологии, уже к концу XIII в. русские города возрождались и вели активную торговлю со странами Востока [28]. Существование в условиях активного культурного обмена укоренило в российском аксеологическом коде особое качество адаптивности к культурной интеракции, укрепившееся впоследствии в ходе «внутренней колонизации» [29].

Как утверждают историки, «новая монгольская тамга², административным центром кото-

рой, вероятно, считался Киев, а основные пастбища располагались в степях к западу от Днепра», сформировалась в Южной Руси [30]. В северо-восточной части Древнерусского государства какой-либо значительный контингент монголо-татарской конницы мог комфортно передвигаться только по руслу замерзших рек, а про местные пастбища и говорить не приходится.

Ограниченные возможности в рамках территорий, на которой происходило зарождение «новой московской государственности», присутствии постоянного оккупационного контингента создавало более благоприятные условия для населения Северо-Восточной Руси и являлось важным фактором культурной интеграции, в том числе с тюркскими и монгольскими народами.

Показателем культурного сближения «москвитов» и «степняков» стало заимствование тюркизов русским языком, о котором писал казахский поэт О. Сулейменов [31].

Восточную ориентацию нового Московского государства В. В. Путин охарактеризовал «цивилизационным выбором». Говоря о политике Александра Невского, президент России заметил: «Это был цивилизационный выбор. По какому пути развития идти стране – западноевропейскому или евразийскому (на то время монгольскому)? Вопрос сложный, а решать надо было быстро. Александр Ярославич выбрал восточный путь и выступил против Ливонского ордена, который в то время представлял Запад»³.

И далее о судьбоносном выборе Александра Невского: «Давайте вспомним то, – говорил В. В. Путин, – что происходило во времена, скажем, Александра Невского. Ведь он ездил в Орду, кланялся ордынским ханам, получал ярлык на княжение в том числе и прежде всего для того, чтобы эффективно противостоять нашествию Запада. Почему? Потому что ордынцы вели себя нагло, жестоко, но они не затрагивали главного – нашего языка, традиций, культуры, на что претендовали западные завоеватели. И это – самое главное, потому что если разрушается культура, традиции и история народа, то народ постепенно начинает исчезать как этнос, растворяться, как снег поздней весной.

¹ Достаточно лояльный режим взимания «выхода» позволил, например, Ивану Калите использовать в своих политических целях значительную часть причитающихся татарам средств.

² Специальное военное подразделение, использовавшееся как силы безопасности и поддержания монгольской власти над покоренными странами.

³ Благоверный князь Александр оказался провидцем. Путин об Александре Невском и цивилизационном выборе России. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/11/06/putin_ob_aleksandre_nevskom_i_civilizacionnom_vybore_rossii (дата обращения: 18.05.2024).

Почему мы так почитаем Александра Невского как святого? Именно за этот выбор. Он думал о том, чтобы сохранить русский народ, а затем и все народы, проживающие на территории нашей огромной страны»¹.

Таким образом, с момента своего зарождения российская государственность становилась многокультурной, многосоставной и комплементарной к восприятию внешних культурных влияний.

«Россия велика, – писал И. А. Ильин, – многолюдна и многоплеменна, многоверна и многопространственна. В ней текут многие воды и струятся разные ручьи. Она никогда не была единосоставным, простым народным массивом и не будет им» [32, с. 233].

Подписание в 1689 г. русско-китайского Нерчинского договора способствовало углублению культурного обмена евразийских стран в рамках Великого чайного пути, соединившего Москву и Пекин [14, с. 303–306].

В рамки формировавшейся евразийской идентичности органично вписывались социокультурные основания, сближающие Россию и Китай. Российско-китайская культурная общность обусловлена основополагающей чертой исторического процесса, проецирующейся на весь спектр социальных отношений, а именно продолжительностью развития в лоне традиционного общества, важнейшей характеристикой которого является регуляторная функция традиций, обычаев, нравственных норм [33]. Даже став индустриальными, и Россия, и Китай остались обществами, «поведение членов которых основано не на рациональном целеполагании (в современном смысле), а на опыте, традиции, ритуале, воспроизводстве устойчивых форм мышления, поведения и восприятия» [34].

Отмеченная особенность культурного развития, способствовавшая сближению народов азиатской части света, присуща большинству народов, находящихся на этом пространстве. В рамках традиционного общества у азиатов сложилось особое мироощущение, в котором человек является частью природы, космоса, абсолютной истины, неземного происхождения.

Напротив, на Западе стремление к освобождению созидательного потенциала личности как необходимого социального основания нарожда-

ющегося капитализма привело к революционному изменению мировоззрения [35].

Вручив человеку собственную судьбу и свободу выбора, католицизм допустил возможность рукотворного Царства Христова на земле. Учреждения земные, в том числе государство, потеряли божественное окормление и нравственный смысл, превратившись в результат рационального выбора и общественного договора, изменяемые и трансформируемые по воле граждан и в интересах граждан. Таким образом, выражаясь языком Ф. И. Тютчева, Западом было преодолено «расстояние, отделяющее божественное от человеческого». Реформация окончательно ликвидировала небольшой зазор между абсолютным и земным, сохраняемым Римом. Попытка отцов-основателей США уйти от секуляризации государства ничего не дала. Протестантские устои и рационализм привели к депривации христианских ценностей.

Утрата христианских смыслов имела множество социетальных последствий для Запада, одним из которых стало доминантное положение в общественной иерархии «смысл – форма» формальных институтов и процедур. Приоритетное положение в социальных ценностях заняли рукотворные установления, а не идеи и смыслы, стоящие за формальной процедурой.

Подтверждением сказанному может служить объективное процедурно-минималистское определение демократии, данное Й. Шумпетером.

В представлении известного социолога, демократия как главное достояние западной цивилизации есть метод принятия политических решений, а не ценность; власть политиков, а не власть народа, роль которого в процедуре ограничивается участием в выборах [36].

Надо ли специально останавливаться на доказательстве того, что в таком формате демократия не имеет ничего общего с народовластием, тем более что этот факт очевиден и для западных политологов [37].

Несовершенство западной процедурной демократии отмечал Ф. И. Тютчев, который писал: «Западная демократия, превратив себя в предмет собственного культа... слепо следовала инстинктам, которые развивались в ней благодаря собственным доктринам более чем кому бы то ни было» [38, с. 79].

Россия, являясь по своему происхождению и социетальным основаниям страной мультикультурной,

¹ Выступление Владимира Путина перед членами Общественной палаты. 4 ноября 2023 года. URL: <https://14.ru/text/politics/2023/11/04/72880139> (дата обращения: 17.05.2024).

с самых ранних этапов своего исторического пути, естественно, становилась центром *евразийской идентичности*. В этом смысле государства с моноэтническим, монолингвистическим населением, объединяющие родственные или близкие по культурному коду народы, обладали значительно меньшим потенциалом евразийской аккумуляции.

Один из основателей евразийского движения, П. Н. Савицкий, называя Россию «средним миром», писал: «Здесь важно указать на те соответствия, которые являет этому стремлению область геополитики. Россия-Евразия есть центр Старого Света. Устраните этот центр – и все остальные его части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) превращается как бы в “рассыпанную хранину”. Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от “классической” Азии, есть то звено, которое спаивает в единство их все. Это очевидно в современности, это станет еще явственней в будущем» [39, с. 801].

Культурное сближение народов, например в Османской империи, осуществлялось через господство титульного этноса, что не являлось характерной чертой российского социокультурного процесса.

Современная доминанта «европейскости» в интеграционном объединении Европейского союза, предполагающая культурную ассимиляцию неевропейцев (исходным посылом которой является раздел мира на «европейский райский сад» и окружающие его «джунгли»), может служить инструментом культурной экспансии, явно не ориентированной на генерацию идентичности, выходящей за пределы Европы.

Например, «Восточное партнерство» – проект Евросоюза, который изначально поддержали Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия и Украина, имел целью не конструктивный вклад в евразийскую общность, а, напротив, ее структурирование по цивилизационному выбору «Запад – не-Запад». Мало того, проект «конструирования» собственно европейской идентичности Ф. Фукуяма считает малоуспешным [40].

Аналогичным образом не могут претендовать на консолидирующую роль в Евразии конструируемые политические панидентичности, «оспаривающие» традиционно сформировавшиеся идентичности.

Например, на реализацию политических амбиций политического класса Польши ориентирован проект «*Междуморья*».

Еще в 1974 году польский эмигрант Ю. Мирошевский в статье «Польский комплекс России и территория УЛБ¹» писал: «Умерли ли в нас империалистические тенденции, является ли исторический русский “польский комплекс” бесосновательным? Не думаю. Много ныне живущих поляков мечтают не только о польском Львове и Вильнюсе, а даже о польском Минске и Киеве. Многие считают идеалом независимую Польшу в федерации с Литвой, Украиной и Белоруссией, иными словами, альтернативой русскому империализму может быть только польский империализм, и всегда было так»².

В настоящее время геополитический проект «*Междуморья*» направлен не только против России, но и против Китая, так как в случае его реализации станет «почти идеальной пространственной “пробкой” на пути китайского глобального проекта “Пояс и путь”. Преодолеть препятствие за счет изменения маршрутов будет сложно, если вообще возможно. Главное (как, вероятно, считают в США) – контроль будет принадлежать американцам» [41].

Под предлогом восстановления единства тюркских народов активно продвигается *доктрина пантюркизма*, на самом деле ориентированная на обеспечение лидерства Турции в Центральной Азии, а по большому счету в Евразии. Однако для достижения сколько-нибудь ощутимых результатов это начинание, вполне пригодное в качестве средства «противодействия» «имперским амбициям России», упирается в нежелание элиты постсоветских независимых государств способствовать появлению в регионе «нового старшего брата» в лице Турецкой Республики.

Замыкание политики идентичности на национальной или партикулярной повестке, исключаяющей инклюзию интересов всех участников интеграционного процесса, если и может привести к успеху, то только временному.

Так, стратегия формирования европейской идентичности в рамках ЕС очевидно дает сбои всякий раз, когда решения Брюсселя не учитывают национальные интересы объединенных народов.

¹ УЛБ – территория Украины, Литвы, Белоруссии.

² Польская геометрия: в Люблине возрождается Речь Посполитая // Газета.ру. URL: https://m.gazeta.ru/politics/2020/07/29_a_13169611.shtml (дата обращения: 17.05.2024).

Особенно отчетливо европейский «мейнстрим» идентичности буксует в связи с суверенной позицией Венгрии, Сербии, Польши и даже немецкого общества, в котором явно нарастают политические силы, выступающие за нерушимость национальных интересов.

В этой связи следует заметить, что, например, национальная политика российского царизма строилась на основе учета культурных, языковых, хозяйственных особенностей народов, входящих в состав империи [42; 43]. В этом отношении не будет преувеличением сказать, что «колониальная» политика русского царизма качественно отличалась от европейской, а тем более североамериканской колониальной политики. Хотя и комплементарная, но не увенчавшаяся успехом национальная политика России в отношении Польши и Финляндии в конечном итоге привела к выходу их из единого государства.

Вполне исчерпывающе по этому поводу высказался И. А. Ильин: «Живя и творя на своем языке, русский народ, как надлежит большому культурному народу, щедро делился своими дарами со своими заморскими соседями, вчувствовался в их жизнь, вслушивался в их самобытность, учился у них, воспевал их в своей поэзии, перенимал их искусство, их песни, их танцы и их одежды и простосердечно и искренно считал их своими братьями; но никогда не гнал их, не стремился денационализировать их (по германскому обычаю!) и не преследовал их. Мало того, нередко он впервые слагал для них буквенные знаки и переводил им на их язык Евангелие» [32, с. 235].

Немаловажным основанием позиционирования России как центра евразийской интеграции стало генерирование целеполагания общественного развития, привлекательного и доступного для большинства народов, не только объединяемых в одном государстве, но и за его пределами.

Православное мироустройство, воплощенное в стремлении к правде и справедливости и в том числе даже искаженное коммунистической идеологией равенства и братства, органически вплетенное в русский этос, противное борьбе за суверенные права личности, «пронизывающей всю европейскую историю», несмотря на религиозные отличия, привлекало народы, культурные предпочтения которых не определялись «рациональным эгоизмом».

Пересказывая слова Ивана Пересвета, адресованные царю Ивану Васильевичу, Н. Н. Алексеев утверждал, что «Россия может быть только государством правды» [10, с. 95].

Вечные искания правды реализовывались в том числе в народной «вольнице», толкавшей россиян на освоение бескрайних просторов. Осваивая Сибирь, Степь и Причерноморье, они несли туда «вечную правду», доступную и понятную другим народам.

Об этом Н. Н. Алексеев писал, что «кочевая вольница была даже нашей своеобразной стихией, проявлявшейся и в новгородских “ушкуйниках”, и в славных низовых “товариществах” южного казачества. Особенностью нашего государства было то, что вокруг него на юге и востоке простирались бесконечные земли, где укрыться было действительно легко и удобно. В этом наше отличие от Запада, где мир был узок и укрыться было некуда, разве только в бесконечных морских пространствах. Поэтому проблема Запада была проблемой, решаемой на конечной территории, а наша проблема разрешалась на территории неопределенной. Потому на Западе стремились к усовершенствованию внутренней стороны общественной жизни, а у нас стремились к внешнему расширению в пространстве» [10, с. 73].

Колониальная политика Европы имела абсолютно рациональное целеполагание: поиск новых рынков сырья и сбыта, в то время как освоение окраин русскими осуществлялось прежде всего как стремление к свободе, так же как ограниченность европейского пространства во избежание «борьбы каждого против всех» обуславливала рационализацию социального порядка, при этом соборность русских имела в основании стремление к равенству «во Христе» и мирской справедливости.

Именно имея в виду вечную мечту русского о совершенном мире на фоне реальной неустроенности, посол Франции в России Морис Палеолог писал: «Русский видит впереди только далекие убегающие горизонты, туманные, смутные дали. Понимание реальности в настоящем и грядущем доступно русским лишь при помощи грез»¹.

Идеи социализма потому и легли (по марксистским представлениям) на самую неблагоприятную

¹ Ни один народ не поддается так легко влиянию и внушению // Коммерсантъ. 2016. 16 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3083147> дата обращения: 18.05.2024).

российскую социальную почву, что таковая уже была напитана извечной народной мечтой о правде, воплощенной в государстве-общине равных землепашцев.

Народная правда, декларируемая российскими революционерами, была близка и народам, объединенным в империю. Никакая военная сила (кстати, на первых этапах революции весьма ограниченная) не могла бы удержать их единство. О силе «народной правды», исходившей от центра евразийства, свидетельствовало поистине огромное влияние русской революции на всю планетарную цивилизацию¹.

«До некоторой степени Запад был уже стихийно преодолен большевизмом, – писал Н. Н. Алексеев, – несмотря на чисто западнический характер вдохновляющего большевиков марксистского идеала. Отличительной от новейшей Европы чертой Востока является то особое религиозное горение, та особая атмосфера веры, которыми были проникнуты древние и восточные культуры. По общему признанию, эта атмосфера веры составляла основную особенность духовной жизни старой России. И надо сказать, ее не мог погасить русский марксизм, несмотря на официальную проповедь неверия» [10].

Воплощение вселенской идеи правды, даже в искаженной общественной практике реального социализма, результировалось в том числе в новом качестве евразийской идентичности. Новая историческая общность «советский народ», сформировавшаяся в СССР, хотя и не получила логического завершения, но все же обрела вполне осязаемые очертания.

Не ссылаясь на многочисленные постсоветские исследования, за подтверждением этого факта обратимся к современным, отстоящим от социалистического прошлого на 30 лет.

Согласно данным социологического опроса, проведенного в июне-октябре 2022 г. сотрудниками Астраханского и Кубанского университе-

тов, большая часть казахов оценивают положительно российско-казахстанские отношения: «как имеющие историю – 84,5 %, как добрососедские – 78,6 %, как братские – 69 %» [44 с. 88], а 66,7 % опрошенных указали, что граждан современных государств Казахстана, России, Азербайджана и Туркмении объединяет советское прошлое [44, с. 91]. Важно отметить, что 45 % респондентов заявили, что на территории Казахстана приоритетными в использовании должны быть казахский и русский языки [44, с. 96].

Созвучны с приведенными результаты опроса населения Узбекистана, проведенного в июле-августе 2023 г. сотрудниками Института стран СНГ (г. Москва).

Состояние и перспективы дружбы России и Узбекистана положительно оценили: граждане до 25 лет – 69,7 %, от 25 до 40 лет – 73,3 %, свыше 40 лет – 82,7 %. Конечно, в связи с оценкой советского прошлого зависимость нарастания ее положительного значения в группах старшего возраста выглядит неслучайной².

Специальные интервью, проводимые в ходе исследования, подтверждают позитивную оценку советского прошлого пожилыми узбеками.

Вот, например, как об этом говорила одна пенсионерка: «К русским относятся очень хорошо. Все, кто жил в СССР, – они все русские, я так считаю». Созвучных этому мнений при проведении опроса было высказано достаточно.

Следует заметить, что важную роль в сохранении и развитии евразийской идентичности вносит современная политика России, направленная на поддержку неотъемлемого права каждого народа и государства на суверенное развитие и сохранение своих историко-культурных корней.

Только в равноправном диалоге культур, ценностей и социальных ориентиров может продуцироваться органичная ткань мультикультурности, скрепляющей развивающиеся идентичности.

¹ В России, в отличие от Франции, отмечающей День взятия Бастилии, перестали отмечать не менее знаковое для мировой истории событие – Октябрь 1917 г.

² Институт стран СНГ. Текущий архив. 2023 г.

1. Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. Т. I. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М. : РОССПЭН, 2011. С. 16-17, 208.

2. Ефременко Д. В. Миропорядок Z. Необратимость изменений и перспективы выживания // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 3. С. 12–30. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-3-12-30>

3. Soviet and Post-Soviet Identities / ed. by M. Bassin, C. Kelly. Cambridge : Cambridge University Press. 2012. 370 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511894732>

4. Лепешев Д. В. Проблемы культурной идентичности в современном евразийском пространстве // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 2. С. 103–107. DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-103-107>
5. Лепешев Д. В. Евразийская цивилизационная идентичность: к определению понятия // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Серия «Культурология». 2019. № 48. С. 24–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39198382> (дата обращения: 17.05.2024).
6. Журавлева С. М., Иванов А. В. Евразийская цивилизационная идентичность как мировоззренческое основание нового объединения Евразии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 1. С. 7–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27125226> (дата обращения: 18.05.2024).
7. Смит Э. Д. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и национализма. М. : Праксис, 2004. 458 с.
8. Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 4.
9. Данилевский Н. Я. Цивилизация европейская тождественна ли с общечеловеческой? // Русская историософия. Антология. М. : РОССПЭН, 2006. 446 с.
10. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 2003. 635 с.
11. Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Русский мир. М. : Эксмо, 2003. С. 738–765.
12. Степун Ф. А. Сочинения. М. : РОССПЭН, 2000. 998 с.
13. Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М. : Э, 2016. 509 с.
14. Докашева Е. С. Великий Шёлковый путь. Полная история. М. : АСТ, 2020. С. 42, С. 303–306.
15. Мартин А. Россия и Европа // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология. М. : Изд-во МГУ, 2013. 622 с.
16. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 639 с.
17. Булкин В. В., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л. : Изд-во ЛГУ. С. 138–139.
18. Древняя Русь: новые исследования. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1995. Серия «Славяно-русские древности». Вып. 2. 252 с.
19. Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 3–20.
20. Свердлов М. Б., Шаскольский И. П. Культурные связи России и Швеции в IX–XVI вв. // Скандинавский сборник. 1986. № 30. С. 113–123.
21. Носов Е. Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М. : Русские словари, 1999. С. 157–170.
22. Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 1. 427 с.
23. Лесной С. Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории. М. : Родина, 2020. 304 с.
24. Седов В. В. Русский каганат IX в. // Отечественная история. 1998. № 4. С. 3–15.
25. Горский А. А. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X в. // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 43–52.
26. Насонов А. Н. Монголы на Руси // Свод Bibliotheca Gumileva : в 2 т. Серия II. Арабские истории. Т. 1. Русский разлив. Вып. 3–4. М. : ДИ-ДИК, 1997. С. 218.
27. Беленькая Д. А. Наследие домонгольской Руси в ремесле XIV–XV вв. // Археология СССР. Многотомник. Т. 16. Древняя Русь. Быт и культура. М. : Наука, 1997. 368 с.
28. Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы пленума ИИМК РАН 28–30 апреля 1997 г. СПб. : Абевега, 1997. Вып. 42. С. 46–48.
29. Эткин А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение. 2014. 448 с.
30. Майоров А. В. «Умиротворение и контроль»: монгольское правление на Руси в середине XIII в. // Российская история. 2023. № 5. С. 4, 11.
31. Сулейменов О. Аз и Я. М. : T8 Rugram, 2022. 333 с.
32. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов : в 2 т. М. : Рарог, 1992. Т. 1. 616 с.
33. Егоров В. Г., Штоль В. В. Историко-культурные основания российско-китайского сотрудничества // Международная жизнь. 2019. № 12. С. 118–129.
34. Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4. С. 60.
35. Егоров В. Г., Абрамов А. В. Аксиологический контекст политической модернизации России // Вестник Российской нации. 2014. № 5. С. 118–133. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22533136> (дата обращения: 18.05.2024).
36. Шумпетер И. Капитализм, социализм, демократия. М. : Экономика, 1995. С. 242, 269, 284.
37. Крауч К. Постдемократия. М. : ВШЭ, 2010. 192 с.
38. Тютчев Ф. И. Россия и Запад. М. : Культурная революция, 2007. 573 с.

39. Русский мир : сборник. М. : Эксмо; СПб. : Terra Fantastica, 2003. 858 с.
40. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М. : Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
41. Евстафьев Д. Г., Межевич Н. М. Новое вино в старые мехи. Проект «Междуморья» как очередной виток европейской истории // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 178–190.
42. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Крайняя политика как фактор устойчивости российской истории XVIII – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 21. С. 23–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30009081> (дата обращения: 18.05.2024).
43. Киор В. Б. Государственная национальная политика в имперской России // Вестник РГГУ. Серия «Политическая история». Международные отношения. 2010. № 4.
44. Романова А. П., Морозова Е. В. Конструирование новых идентичностей в современном Казахстане: тенденции и ориентиры // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 7. С. 85–102. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-85-102>

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 09.07.2024; принята к публикации 12.08.2024.

Об авторе

Егоров Владимир Георгиевич

доктор исторических наук, доктор экономических наук; заведующий кафедрой политологии и политического анализа, Российский государственный социальный университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика д. 4 стр. 1); профессор кафедры политической экономики и истории экономической науки, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (115054, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36); профессор, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (105005, Российская Федерация, г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2473-8590>, korrka@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti : v 2 t. T. I. Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki [Political identity and identity politics: in 2 vols. Vol. I. Identity as a category of political science]. *Slovar' terminov i ponyatii* = Dictionary of Terms and Concepts, M., ROSSPEN Publ., 2011, pp. 16-17, 208. (In Russ.)
2. Efremenko D. V. Miroporyadok Z. Neobratimost' izmenenii i perspektivy vyzhivaniya [The world order Z. Irreversibility of changes and prospects for survival]. *Rossiya v global'noi politike* = Russia in Global Politics, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 12–30. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-3-12-30>
3. Soviet and Post-Soviet Identities, ed. by M. Bassin, C. Kelly, Cambridge, Cambridge University Press, 2012, 370 p. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-3-12-30>
4. Lepeshev D. V. Problemy kul'turnoi identichnosti v sovremennom evraziiskom prostranstve [Problems of cultural identity in the modern Eurasian space]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* = Historical and Socio-Educational Thought, 2018, vol. 10, no. 2, pp. 103–107. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-103-107>
5. Lepeshev D. V. Evraziiskaya tsivilizatsionnaya identichnost': k opredeleniyu ponyatiya [Eurasian civilizational identity: towards the definition of the concept]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. Seriya «Kul'turologiya»* = Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. The series “Cultural Studies”, 2019, no. 48, pp. 24–32. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39198382> (accessed 17.05.2024). (In Russ.)
6. Zhuravleva S. M., Ivanov A. V. Evraziiskaya tsivilizatsionnaya identichnost' kak mirovozzrencheskoe osnovanie novogo ob"edineniya Evrazii [The Eurasian Civilizational identity as the ideological foundation of the new Unification of Eurasia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* = Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political Science, 2016, no. 1, pp. 7–20. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27125226> (accessed 18.05.2024). (In Russ.)
7. Smith E. D. Natsionalizm i modernizm. Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma [Nationalism and modernism. A critical review of modern theories of nationalism and nationalism]. M., Pracsis Publ., 2004, 458 p. (In Russ.)
8. Lyuks L. Evraziistvo [Eurasianism]. *Voprosy filosofii* = Issues of Philosophy, 1993, no. 6, pp. 4. (In Russ.)
9. Danilevsky N. Ya. Tsivilizatsiya evropeiskaya tozhdestvenna li s obshchechelovecheskoi? [Is the European civilization identical with the universal one?]. *Russkaya istoriosofiya. Antologiya* = Russian Historiosophy. Anthology, M., ROSSPEN Publ., 2006, 446 p. (In Russ.)
10. Alekseev N. N. Russkii narod i gosudarstvo [The Russian people and the state]. M., Agraph Publ., 2003, 635 p. (In Russ.)

11. Trubetskoy N. C. O turanskom elemente v russkoi kul'ture [About the Turanian element in Russian culture]. *Russkii mir* = Russian World, M., Eksmo Publ., 2003, pp. 738–765. (In Russ.)
12. Stepun F. A. Sochineniya [Works]. M., ROSSPEN Publ., 2000, 998 p. (In Russ.)
13. Berdyaev N. A. Russkaya ideya. Mirosozertsanie Dostoevskogo [The Russian idea. Dostoevsky's Worldview]. M., E Publ., 2016, 509 p. (In Russ.)
14. Dokasheva E. S. Velikii Shelkovyi put'. Polnaya istoriya [The Great Silk Road. The full story]. M., AST Publ., 2020, p. 42, pp. 303–306. (In Russ.)
15. Martin A. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. *Russkii vopros v istorii politiki i mysli. Antologiya* = The Russian question in the history of politics and thought. Anthology, M., Publ. house of MGU, 2013, 622 p. (In Russ.)
16. Lebedev G. S. Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi [The Viking Age in Northern Europe and Russia]. SPb., Eurasia Publ., 2005, 639 p. (In Russ.)
17. Bulkin V. V., Dubov I. V., Lebedev G. S. Arkheologicheskie pamyatniki Drevnei Rusi IX–XI vv. [Archaeological sites of Ancient Russia of the IX–XI centuries.]. L., Publ house of LSU, pp. 138–139. (In Russ.)
18. Drevnyaya Rus': novye issledovaniya [Ancient Russia: new research]. SPb., Publ. House of SPbSU, 1995, Series "Slavic-Russian antiquities", issue 2, 252 p. (In Russ.)
19. Novoseltsev A. P. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i pervyi ego pravitel' [The formation of the Ancient Russian state and its first ruler]. *Voprosy istorii* = Questions of History, 1991, no. 2–3, pp. 3–20. (In Russ.)
20. Sverdlov M. B., Shaskolsky I. P. Kul'turnye svyazi Rossii i Shvetsii v IX–XVI vv. [Cultural ties between Russia and Sweden in the IX–XVI centuries]. *Skandinavskii sbornik* = The Scandinavian Collection, 1986, no. 30, pp. 113–123. (In Russ.)
21. Nosov E. N. Rechnaya set' Vostochnoi Evropy i ee rol' v obrazovanii gorodskikh tsentrov Severnoi Rusi [The river network of Eastern Europe and its role in the formation of urban centers of Northern Russia]. *Velikii Novgorod v istorii srednevekovoi Evropy* = Veliky Novgorod in the History of Medieval Europe, M., Russian Dictionaries Publ., 1999, pp. 157–170. (In Russ.)
22. Klyuchevskii V. O. Sochineniya : v 8 t. [Essays: in 8 vols.]. M., Gospolitizdat Publ., 1956, vol. 1, 427 p. (In Russ.)
23. Lesnoy S. Otkuda ty, Rus'? Krakh normannskoi teorii [Where are you from, Rus? The collapse of the Norman theory]. M., Motherland Publ., 2020, 304 p. (In Russ.)
24. Sedov V. V. Russkii kaganat IX v. [The Russian Khaganate of the IX century]. *Otechestvennaya istoriya* = Russian History, 1998, no. 4, pp. 3–15. (In Russ.)
25. Gorsky A. A. Gosudarstvo ili konglomerat konungov? Rus' v pervoi polovine X v. [A state or a conglomerate of kings? Russia in the first half of the tenth century]. *Voprosy istorii* = Russian History, 1999, no. 8, pp. 43–52. (In Russ.)
26. Nasonov A. N. Mongoly na Rusi [Mongols in Russia]. *Svod Bibliotheca Gumileva : v 2 t. Seriya II. Arabeski istorii* = The Bibliotheca Gumilevica Collection: in 2 vols. Series II. Arabesques of history, vol. 1. Russian spill, issue 3–4, M., DI-DIK Publ., 1997, p. 218. (In Russ.)
27. Belenkaya D. A. Nasledie domongol'skoi Rusi v remesle XIV–XV vv. [The legacy of pre-Mongol Russia in the craft of the XIV–XV centuries]. *Arkheologiya SSSR. Mnogotomnik. T. 16. Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* = Archaeology of the USSR. Vol. 16. Ancient Russia. Life and culture, M., Science Publ., 1997, 368 p. (In Russ.)
28. Novye issledovaniya arkhologov Rossii i SNG. Materialy plenuma IIMK RAN 28–30 aprelya 1997 g [New research by archaeologists of Russia and the CIS. Materials of the IIMC RAS Plenum April 28–30, 1997]. SPb., Abevega Publ., 1997, issue 42, pp. 46–48. (In Russ.)
29. Etkind A. M. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii [Internal colonization. The Imperial experience of Russia]. M., New Literary Review Publ., 2014, 448 p. (In Russ.)
30. Maiorov A. V. «Umirovtvorenii i kontrol'»: mongol'skoe pravlenie na Rusi v seredine XIII v. ["Pacification and control": Mongol rule in Russia in the middle of the XIII century]. *Rossiiskaya istoriya* = Russian History, 2023, no. 5, p. 4, 11. (In Russ.)
31. Suleimenov O. Az i Ya [Az and Me]. M., T8 Rugram Publ., 2022, 333 p. (In Russ.)
32. Il'in I. A. Nashi zadachi. Istoricheskaya sud'ba i budushchee Rossii. Stat'i 1948–1954 godov : v 2 t. [Our tasks. The historical fate and future of Russia. Articles from 1948–1954: in 2 vols.]. M., Papor Publ., 1992, vol. 1, 616 p. (In Russ.)
33. Egorov V. G., Shtol V. V. Istoriko-kul'turnye osnovaniya rossiisko-kitaiskogo sotrudnichestva [Historical and cultural foundations of Russian-Chinese cooperation]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* = International Life, 2019, no. 12, pp. 118–129. (In Russ.)
34. Bogaturov A. D., Vinogradov A. V. Model' ravnopolozhennogo razvitiya: varianty "sberegayushchego" obnovleniya [The model of equal development: options for a "saving" upgrade]. *Polis* = Polis, 1999, no. 4, p. 60. (In Russ.)
35. Egorov V. G., Abramov A. V. Aksiologicheskii kontekst politicheskoi modernizatsii Rossii [The Axiological Context of Russia's Political Modernization]. *Vestnik Rossiiskoi natsii* = Bulletin of the Russian Nation, 2014, no. 5, pp. 118–133. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22533136> (accessed 18.05.2024). (In Russ.)
36. Shumpeter I. Kapitalizm, sotsializm, demokratiya [Capitalism, socialism, democracy]. M., Economics Publ., 1995, p. 242, 269, 284. (In Russ.)
37. Krauch K. Postdemokratiya [Post-democracy]. M., HSE Publ., 2010, 192 p. (In Russ.)
38. Tyutchev F. I. Rossiya i Zapad [Russia and the West]. M., Cultural Revolution Publ., 2007, 573 p. (In Russ.)

39. Russkii mir : sbornik [Russian world: collection]. M., Eksmo Publ., SPb., Terra Fantastica Publ., 2003, 858 p. (In Russ.)
40. Fukuyama F. Identichnost': Stremenie k priznaniyu i politika nepriyatiya [Identity: The pursuit of recognition and the politics of rejection]. M., Alpina Publisher, 2019, 256 p. (In Russ.)
41. Evstafev D. G., Mezhevich N. M. Novoe vino v starye mekhi. Proekt «Mezhdumor'ya» kak ocherednoi vitok evropeiskoi istorii [New wine in old bottles. The Intermountain Project as another round of European history]. *Rossiia v global'noi politike* = Russia in Global Politics, 2023, vol. 21, no. 5, pp. 178–190. (In Russ.)
42. Dameshek L. M., Dameshek I. L. Okrainnaya politika kak faktor ustoychivosti rossiiskoi istorii XVIII – nachala XX v. [Marginal politics as a factor of stability of the Russian history of the XVIII – early XX century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* = Proceedings of Irkutsk State University. Series: History, 2017, vol. 21, pp. 23–29. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30009081> (accessed 18.05.2024). (In Russ.)
43. Kior V. B. Gosudarstvennaya natsional'naya politika v imperskoi Rossii [State national policy in Imperial Russia]. *Vestnik RGGU. Seriya «Politicheskaya istoriya». Mezhdunarodnye otnosheniya* = Bulletin of the Russian State University. The series “Political History”. International relations, 2010, no. 4, (In Russ.)
44. Romanova A. P., Morozova E. V. Konstruirovaniye novykh identichnostei v sovremennom Kazakhstane: tendentsii i orientiry [The construction of new identities in modern Kazakhstan: trends and guidelines]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = The World Economy and International Relations, 2023, vol. 67, no. 7, pp. 85–102. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-85-102>

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 09.07.2024; accepted for publication 12.08.2024.

About the author

Vladimir G. Egorov

Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Economics), Head of the Department of Political Science and Political Analysis, Russian State Social University (4, building 1 V. Pika St., Moscow 129226, Russian Federation); Professor of the Department of Political Economy and History of Economics, Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny per., Moscow 115054, Russian Federation); Professor, Bauman Moscow State Technical University (5, p. 1, 2nd Baumanskaya St., Moscow 105005, Russian Federation) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2473-8590>, korrka@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript